

АНДЖЕЙ ВАЙДА – СЫН ПОЛЬШИ

Независимая газ. – 2000.

– 9 июля, с. 9, 15

Нея Зоркая

ПОЧЕТНЫЙ Оскар-2000 «За выдающийся вклад в киноискусство» был присужден и вручен в Лос-Анджелесе в этом году кинорежиссеру Анджею Вайде.

ЕГО «ПРЕМИАЛЬНЫЕ»

В прошедшие года счастливыми номинантами на этот сверхпочетный профессиональный приз оказывались Грета Гарбо, Чарли Чаплин, Жан Ренуар, Акира Куросава, Сэтьюджит Рэй – цвет мирового кинематографа, его «планеты».

Но золотой Оскар лишь продолжил, словно бы подытожив счет прошлого и открыв хронологию нового века, список прызотрофеев Анджея Вайды. Его привычно называют «великим Вайдой». Повсеместно и торжественно чествуют – например, в прошлом году компания «Филип Моррис» учредила ежегодный Международный киноприз имени Анджея Вайды, присудив первый, разумеется, ему; в нынешнем феврале в Берлине уже сам Вайда вручал приз своего имени нашей соотечественнице Кире Муратовой.

Но, скажем прямо, приз за вклад – приз классический, академический, – часто даруется за былые заслуги, за проверенную годами славу, за признанное имя. Вайда же незадолго до церемонии Оскара, в 1999-м, отпраздновал премьеру и огромный успех своего нового фильма «Пан Тадеуш» (за несколько месяцев демонстрации на родине постановщика в Польше фильм посмотрели 12,5 миллиона зрителей – 60% всего населения страны!). Два предыдущие фильма вышли в 1995-м и 1996-м. То есть речь идет о «производственнике», о художнике в пути.

Картину «Пан Тадеуш», экранизацию одноименной поэмы Адама Мицкевича, Вайда считает своим главным произведением. А первый полнометражный фильм 29-летнего выпускника Лодзинской киношколы «Поколение» был снят в 1954 году. Между названными датами – перенасыщенные 45 лет в кинематографе и свыше 40 фильмов. Неправдоподобно! И ни одной «проходной» ленты. Каждая, более или менее успешная, пусть даже неудача, – все равно рождалась как принципиальное авторское высказывание. И одновременно шла постоянная работа в театре.

У многих ли такой послужной список, такая фильмография, такое творческое долголетие? С кем из современников его можно поставить рядом? С недавно ушедшим Акирой Куросавой и его полувеком, проведенным на киностанции? Или с «великим испанцем» Луисом Бунюэлем, любимым режиссером Вайды, обладателем уникальной творческой молодости (31 фильм он выпустил за творческий срок до своих 83 лет)? Да еще не забудем, что Вайда работал в условиях социалистического кинематографа (Тарковскому удалось снять за двадцать лет жизни в СССР шесть картин).

И еще одно обстоятельство, связанное с почетным Оскаром Анджея Вайды. Даже в американской прессе не без удивления отмечали, что на сей раз приз был проголосован едино-

Объяснение в любви

Анджей Вайда.

гласно и без всяких споров, что случается – уву! – не всегда. Бывало – мастер-то большой, искусный, а вот в биографии темные пятнышки и тени, «компромат», гражданский ли, моральный... Репутация Анджея Вайды безупречна. Но, может быть, только мы, его соседи по Восточной Европе и по общей судьбе людей коммунистического режима, способны до глубины понять, что вынес, оставив душу незапятнанной, что пронес сквозь свою трагическую биографию этот художник.

Он не терпит ни интереса к своей частной жизни, ни любопытного прожектора, навещенного на его персону. Интервьюеров отправляет к фильмам: «Там все сказано». Постепенно ему перестали даже и задавать вопросы такого рода, оставили в покое. К тому же в фильмах Вайды отсутствует прямая авторская речь, никогда нет первого лица, нет «Я» ни в кадре, ни в фонограмме. О волнующем и сокровенном он поведает нам через жизненные истории других. Индивидуальное, пережитое у него всегда предстает в ви-

де объективного повествования. Личное биографам приходится «вычислять». В сонме колоритных типов, которыми богаты артистические профессии, Анджей Вайда не привлечет к себе ни эксцентричностью поведения, ни причудливыми зигзагами судьбы. Ни скандальными историями. Ни любовными похождениями. Удивительно, но даже анекдоты, байки, сплетни не ходят о нем в кинематографической среде. Не пересказывают его «крылатых фраз» или шуточек, не ищут столь полюбившихся журналистам хлестких разоблачений.

Да, его репутация безупречна, его облик строг, чтобы не сказать суров. В молодости был он красив: тонкие черты лица, высокий и чистый лоб, светлые глаза, каштановая шевелюра. Потом поседел, но сохранил осанку и благородное изящество без тени рисовки. Именно таким и представляем мы себе ясно-вельможного польского пана. Пан Вайда, пан Анджей. Доброжелательный и любезный, но закрытый. К себе близко не подпускающий.

Впрочем, есть одно его признание в «пороке», сделанное журналистам в Москве: «Я ничего не сочиняю. Мои фильмы – часть моей жизни. На экране моя биография».

И в этом тоже феномен Анджея Вайды: при отсутствии «самовыражения», более того – «авторского кино» в его общепринятом понимании – глубоко лично, сращенное с жизнью творчество. Перечитаем же некоторые страницы прошлого.

«ЛИТВА, МОЯ ОТЧИЗНА...»

Знаменитую строку Адама Мицкевича мог бы повторить и Анджей Вайда. Глухая восточная оконечность Польши (где развернется и действие «Пана Тадеуша») именовалась Литвой. Вайда родился в городке Сувалки. В 1920-х – начале 1930-х там проходила граница и были расквартированы воинские части. Семья жила в казармах, отец, офицер от инфантерии, командовал 41-м полком. Потом получил назначение в Радом, другой провинциальный городок южнее и ближе к Варшаве, – теперь под его командованием был 71-й пехотный полк.

Одним из ранних впечатлений Вайда назвал воинский ритуал – ученья, поверки, смотри, торжественные похороны. Сабли наголо и острые пики. Оружие и обмундирование времен аж Наполеоновских войн. «И все же это была не игра в солдатки, как у Королевского дворца в Лондоне, а настоящая армия. Из наших казарм прямой путь вел на фронт, под вражеские танки 1939 года. И это был уже не ритуал, а поле между жизнью и смертью».

Воспитанная поколениями отвага и неукошительное понятие о воинском долге, чести, достоинстве и, с другой стороны, беспечность и легкомыслие, «инфантилизм» (в определении самих поляков) или фанфаронство, заносчивость, шляхетская гордыня (из чего складывался негативный стереотип взгляда на поляка извне) – так или иначе, как ни назови, привели к одной из самых горьких, навсегда оставивших раны в сердцах страниц сентябрьской трагедии 1939 года.

«Летна» (Летучая – в переводе на русский) – имя белой лошади-красавицы, название фильма Вайды. В этом своем поэтическом творении, снятом через 20 лет после начала войны, Вайда передал и то наивное, комичное соперничество, конфликты и страсти кавалерийских офицеров вокруг блистательной Летны, когда ничего иного даже не приходит на ум этим воинам, лишенным чувства близкой и грозной опасности. И вдохновенный, самозабвенный порыв улан, бросившихся с саблями наголо навстречу немецким танкам, чтобы сразу погибнуть вместе со своими конями.

Так было не только в финале фильма Анджея Вайды. Так было в самой жизни – это исторический факт.

В пору «Пепла и алмаза», в пору «Летны» в польском кино шли дискуссии о героизме и его изображении на экране. В моде было развенчание героизма «польского разлива» – именно как «инфантильного», иррационального, сентиментального. Анджей Мунк, другой видный мастер польской режиссуры,

вскоре безвременно ушедший, снял в 1957-м картину «Егоика» – героика, так сказать, в ка-вычках, где разоблачал мнимый, «ложный» героизм пленных поляков в офицерском концлагере. Это называлось демифологизацией, отказом от национальных фетишей.

Но для Анджея Вайды и «мифы», и «фетиши» были не таковыми, а истиной, чистым золотом народной души. Осудим ли мы его за это? Нет ли насилия в том, чтобы из боязни казенной патетики и напыщенной риторики заставить всех художников быть немножко циниками и эдакими скептиками? И стоит ли демифологизовать заодно великую романтическую традицию польского искусства, продолжателем которой в кино явился Анджей Вайда?

Есть у него одна картина, которая не числится среди особо отмеченных, а для меня – любимая, тончайшая акварель, плетеное кружево с таким сокрушительным ударом в финале, что хочется заново прочесть ее «с конца». Это «Хроника любовных происшествий» (1986).

Предвоенный старый Вильно. Нет, не окраина России и не столица советской или постсоветской «независимой» Литвы, а довоенный польский город, каким он был в воспоминаниях старожилов. Вайда и его операторы сумели так его снять, что ни один электропровод, ни один «Жигули» или «Трабант» не попали в кадр и не нарушили благоуханной атмосферы этой уютной и беспечной жизни, овеванной ностальгией.

Там обитают чудачки и краснобаи... Там есть то ли элегантный салон, то ли несколько иное заведение, где принимают гостей две записные красотики в жемчужных бусах и шифоновых платьях... Там все привычно, старомодно и устойчиво. А на горе, в богатом доме за крепким забором, живет та школьница, в которую влюблен герой картины, зеленый и наивный большеглазый гимназистик в фуражке почтальона. Он беден, подрабатывает письмомосцем.

Ромео и Джульетта из заповедного города над голубой рекой со всей силой и чистотой юности любят друг друга. Но быть вместе им запрещают там, на горе: они – неровня. И тогда они решают умереть вместе. Проглотили для верности яд и, взявшись за руки, вошли в воды Нерис.

А вслед за этим – адские взрывы, бомбардировка, дым, огонь. Война. Эти дети о ней не узнали. Они ушли, свершив свой красивый подвиг любви, в счастливом неведении о той дороге, которая ждала бы их живых. И предстояла Анджею Вайде.

Когда в январе 1955 года улицы Варшавы оклеились афишами новой картины, ее название – «Поколение» – прочиталось как манифест. На экран выходила молодежь, рожденная в конце 1920-х, опаленная войной. Критику поразила в фильме не только свежесть взгляда, но и зрелость – профессиональная, человеческая.

Да, за плечами у 29-летнего дебютанта был горький жизненный опыт, и свой собственный, и ровесников: «Меня война пощадила. Но это повод вновь и вновь говорить о ней. Это даже моя обязанность».

(Окончание на стр. 15)